

Елена Павлова

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Институт непрерывного образования», Москва

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ

Key words: ethnolinguistics, language of folklore, dominant folk name

Современные этнолингвистические исследования предполагают обращение к языку как к одному из содержательных планов этнической духовной культуры. Относительно языка фольклорных текстов такой подход осуществляется в рамках современной лингвофольклористики.

Лингвофольклористика изучает язык устного народного творчества как необходимую базу и как средство постижения этнических представлений о мире и человеке, в результате чего выявляются типизированные культурные смыслы, закрепленные в языке фольклорных текстах. В рамках лингвофольклористики большое внимание уделяется анализу доминантных фольклорных имен – ключевых слов фольклорных произведений, особых, этнически маркированных фольклорных лексем, которые являются языковыми репрезентантами концептов в текстах устного народного творчества.

В аспекте нашего исследования единицей фольклорного языка признается типизированный традиционный смысл – специфический элемент фольклорной картины мира, единица обобщенного, традиционно значимого для народа знания о предметах и явлениях, моральных нормах, правилах социального взаимодействия, способах существования в этническом микрокосме. Выявление смыслов-знаний позволяет реконструировать фрагменты традиционной духовной культуры этноса, а также определять их территориальную специфику путем сопоставления данных, полученных при языковом анализе текстов различных регионов.

Материалом нашего исследования послужили два научных издания, тексты для которых были записаны на разных территориях России: «Пятиречие» О.Э. Озаровской [Озаровская 2000] – сборник севернорусских фольклорных текстов, зафиксированных на территории Архангельской губернии с 1915 по 1927 гг.; и сборник «Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX – начала XX века» (далее – «Калужский фольклор») [Фольклор Калужской губернии 1997]. Большинство текстов обоих сборников со времени их первой публикации не переиздавалось, в связи с чем практически не было изучено.

Нами рассматривались прозаические фольклорные тексты данных изданий: в «Пятиречии» выявлено 50 таких текстов, в «Калужском фольклоре» – 18.

В качестве первичного метода этнолингвистического описания указанных произведений мы использовали метод доминантного анализа лексического состава. Данный метод дает возможность выявить предмет изучения, а именно – наиболее частотные (и, предположительно, значимые) фольклорные лексемы.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что наиболее частотные фольклорные лексемы, как правило, оказываются семантически «нагруженными» и обладают наибольшей антропокультурной и этнокультурной маркированностью.

Доминантный анализ лексики проводился в несколько этапов: 1) определялась частотность всех слов (словоформ), функционирующих в текстах; 2) устанавливались высокочастотные лексемы – доминантные имена; 3) выявлялись словообразовательные гнезда высокочастотных лексем; 4) осуществлялась семантическая классификация доминантных имен.

Отметим, что к доминантному анализу привлекались только имена существительные. При выявлении наиболее частотных лексических единиц был установлен условный порог частотности – 20-25 употреблений.

Так, в сборнике «Калужский фольклор» установлено 37 таких существительных, в «Пятиречии» – 33:

царь (180 употреблений), *конь* (146), *мать* (120), *руки* (78), *брат* (77), *дом* (74), *голова* (72), *деньги* (72), *сын* (69), *жена* (68), *город* (67), *дочь* (64), *человек* (60), *муж* (58), *старуха* (57), *год* (55), *время* (50), *ноги* (42), *море* (42), *поле* (42), *люди* (40), *купец* (37), *дети* (36), *избушка* (36), *дорога* (36), *девушка* (35), *бабушка* (34), *невеста* (34), *вода* (33), *ворота* (33), *глаза* (29), *дьякон* (27), *поп* (26) («Пятиречие»); *мужик* (72); *старик* (66); *солдат* (63); *дочка* (60); *деньги* (56); *дурак* (47); *корова* (44); *барин* (43); *царь* (42); *братья* (41); *дом* (40); *дочь* (38); *жена* (38); *племянник* (35); *лошадь* (35); *баран* (35); *двор* (35); *лес* (34); *господин* (31); *мальчик* (31); *мать* (28); *прядево* (28); *черт* (28); *дядя* (26); *время* (26); *купец* (25); *крестьяне* (25); *сын* (25); *собака* (24); *мачеха* (23); *хозяин* (22); *девушка* (22); *день* (22); *мясо* (22); *поп* (21); *козел* (21); *разбойник* (21) («Калужский фольклор»).

Далее выявлялись однокоренные слова частотных лексем и формировались словообразовательные гнезда. Такой подход соответствует онтологическому принципу представления лексического материала, согласно которому важно не слово само по себе, а реалити и смысл, репрезентируемый ею. Например: *конь*

(общее количество употреблений – 162): в том числе 146 употреблений собственно лексемы *конь* и 16 употреблений однокоренных слов: *конек* (15); *копяшка* (1) («Пятиречие»).

В результате определения общего количества употреблений лексических единиц каждого словообразовательного гнезда были получены следующие списки: *царь* (298); *мать* (235); *конь* (162); *муж* (121); *жена* (99); *девушка* (86); *руки* (86); *брат* (84); *голова* (83); *деньги* (75); *дочь* (75); *дом* (74); *сын* (74); *город* (67); *старуха* (67); *дети* (64); *человек* (60); *год* (55); *избушка* (54); *время* (50) и т.д. («Пятиречие»);

старик (120); *дом* (107); *дочка* (98); *мужик* (89); *солдат* (65); *корова* (64); *прядево* (58); *деньги* (57); *барин* (57); *дурак* (53); *жена* (52); *царь* (49); *мать* (45); *девушка* (44); *братья* (41); *племянник* (41); *лес* (37); *лошадь* (35); *баран* (35); *двор* (35) и т.д. («Калужский фольклор»).

На следующем этапе доминантного анализа слова, вошедшие в приведенные выше списки, были распределены по семантическим классам. При семантической классификации частотных лексем учитывали тот факт, что имена называют сферы действительности, или обозначают категории познания. Так, выявленные нами частотные лексемы представляют парадигмы, соотносимые со сферами действительности (I): это семантические (тематические) классы со значением ‘Человек’, ‘Животные’, ‘Существа’, ‘Вещи’, ‘Вещества’; и семантические парадигмы, соотносимые с категориями познания (II): это семантические поля со значением ‘Пространство’, ‘Время’. Представим наполняемость семантических парадигм:

I. Сферы действительности.

(1) **‘Человек’:** *царь, мать, муж, жена, девушка, брат, дочь, сын, старуха, дети, человек, бабушка, поп, дьякон, купец, люди, невеста, руки, голова, ноги, глаза* (21 наименование) («Пятиречие»);

старик, дочка, дочь, мужик, солдат, барин, дурак, жена, царь, мать, девушка, братья, племянник, господин, мальчик, дядя, купец, крестьяне, сын, мачеха, хозяин, поп, разбойник (23 наименования) («Калужский фольклор»).

(2) **‘Животные’:** *конь* (1 наименование) («Пятиречие»);

корова, лошадь, баран, собака, козел (5 наименований) («Калужский фольклор»).

(3) **‘Существа’:** *черт* (1) («Калужский фольклор»).

(4) **‘Вещества’:** *вода* (1) («Пятиречие»);

мясо (1) («Калужский фольклор»).

(5) **‘Вещи’:** *деньги* (1) («Пятиречие»);

деньги, прядево (2) («Калужский фольклор»).

II. Категории познания.

(1) **‘Пространство’:** *дом, город, избушка, море, поле, дорога, ворота* (7) («Пятиречие»);

дом, двор, лес (3) («Калужский фольклор»).

(2) **‘Время’:** *год, время* (2) («Пятиречие»);

день, время (2) («Калужский фольклор»).

Доминантный анализ показал, что наименования животных, анализу которых посвящена данная статья, в текстах обоих сборников в количественном отношении занимают вторую позицию после слов, относящихся к семантическому классу 'Человек'. Заметим, что уже на этом этапе анализа можно делать некоторые выводы относительно территориальной культурно-языковой специфики рассматриваемых текстов. Например, к семантическим пересечениям относятся наполняемость таких парадигм, как 'Вещи', 'Время' (лексемы *деньги, время*). Одинаково частотным является употребление лексемы *дом*. Примером отличительной особенности может служить отсутствие в списке доминантных имен «Пятиречия» наименований нечистой силы и достаточно частотное употребление лексемы *черт* в Калужском фольклоре. Что касается наименований животных, то общим для обоих сборников является то, что доминантными фольклорными именами оказались только наименования домашних животных, тогда как наименования диких животных в эти условные списки не вошли вследствие их малой употребимости в анализируемых текстах.

Таким образом, семантическая классификация позволила определить представленные в текстах категориальные, понятийные области и связанные с ними сферы фольклорной действительности, а также сделать первичные выводы о территориально-языковой специфике текстов. А.Т. Хроленко отмечает, что такой подход к отбору описываемых лексем на сегодняшний день является наиболее продуктивным, поскольку позволяет учитывать структуру фольклорной картины мира [Хроленко 2000, 9].

Обратимся к семантическому классу со значением 'Животные'.

Этнолингвистический анализ соответствующих лексем в текстах сказок Архангельской и Калужской губерний конца XIX – начала XX веков показал, что одна и та же лексема может репрезентировать в разных текстах различные смыслы, то есть отражать различные знания, представления народа о данном предмете или явлении.

В ходе анализа наименований животных в текстах «Пятиречия» выявлена следующая особенность: при достаточно высокой степени употребления лексемы *конь* (в общем списке доминантных имен данное имя занимает вторую позицию после имени «царь») наблюдается в целом сравнительно низкая частотность употребления наименований других животных:

для сравнения: *конь* – 162 употребления; далее по списку убывания частотности: *собака* – 16 употреблений; *кошка, кот, коток* – 16 употреблений лексем словообразовательного гнезда; *лиса* – 13 употреблений.

Относительно других наименований животных отмечена их еще более низкая частотность (менее 3 употреблений). При этом выявлены единичные употребления наименований рыб и птиц.

Иные частотные данные зафиксированы при языковом анализе сборника «Калужский фольклор», где наиболее частотными оказались такие лексемы, как *корова* (64); *лошадь* (35); *баран* (35), *собака* (24); *козел* (21).

В ходе анализа зафиксировано отсутствие однокоренных образований у наименований *лошадь, баран, собака, козел* и наличие достаточно широкого словообразовательного гнезда у имени *корова*: общее количество употреблений – 64, в том числе 44 употребления собственно лексемы *корова* и 20 однокоренных употреблений: *коровушка* (13), *коровушка-матушка* (5), *коровий* (2).

Дальнейший анализ доминантных фольклорных имен (как и определение их частотности) предвзялся в нашей работе электронным сканированием текстов и составлением электронных конкордансов для каждой анализируемой лексемы, то есть совокупности всех контекстов, в пределах которых она функционирует.

На основании сплошной компьютерной выборки выявлялись контексты, в которых лексема употребляется в функции либо семантического субъекта, либо семантического объекта, анализировалась предикатная лексика, в результате чего устанавливалась типичная сочетаемость доминантного имени.

Так, выявлена следующая сочетаемость имени *конь* в текстах «Пятиречия»:

- 1) в функции объекта действия: *хлеснул коня, едет на кони, сел на коня, выбирал коня, вязать [коня] ко серебряну кольцу, поставил коня, сели на коней, соскоцили с коней, посадила на коня, спустил коня, вспомнил про коня, оприметить коней, выбрал коня, коня потерять, коня спасти, возьми коня, оставь коня, пастыри коней пасут, говорит коню* (здесь и далее сохранена орфография источников);
- 2) в функции субъекта действия: *конь увяз, стоит конь, конь коня перебьет, конь коня не допустил, конь доведет, конь отвечает, конь проवेशчалсе* (в значении «высказался»).

Типичными являются ситуации употребления данной лексемы с глаголами пространственной локализации, отмечена также сочетаемость с глаголами речи.

Языковой анализ текстов «Пятиречия» показал, что субъектами действия по отношению к коню являются, как правило, высокие герои (мифологические личности) богатыри Еруслан Лазаревич, Иван Запечельник, богатырица, дети богатыря (например, Федор и Василей в сказке «Иван Запечельник и богатырица»), мать-львица, другой конь.

Характерной особенностью повествований о коне является также описание в сказках значительного количества ситуаций, указывающих на эмоциональное отношение субъектов действия к коню: это, как правило, оценочные ситуации, реализующиеся адъективными словосочетаниями: *добра коня, кони самолучши; конь на яблоках, молоды кони, коня, што лучша на свете нет, кони вороные, конь белояров, кони-золоты узды*.

Данные контексты, имея положительную коннотацию, фиксируют народное представление о коне как необыкновенном, исключительном животном.

Отрицательная коннотация отмечена только в словосочетании *худ конь*.

Обращение к «дальнейшему окружению» лексемы *конь* дает возможность конкретизировать ситуации, представленные в минимальных контекстах и описать дополнительные детали сцен, соотносимых с рассматриваемым именем.

Детальными сценами могут быть, например, указания на объекты, цели, следствия действий: например, *выбрал коня по плечу, конь заскакивал через стены, Конь одним копытом задел за стены городские, конь и проवेशиался ему целовецьим ясаком.*

В данных контекстах конь наделяется сверхъестественными качествами, свойствами, приближающими его к высоким героям, мифологическим личностям.

Так, в сказке «Вехорь Вехорович» содержится контекст, посредством иронии фиксирующий смысл равенства коня высоким героям:

*Спустил коня со семи цепей, Иван Царевич тянул его правой рукой, конь на колени пал:
– Полно тебе, овсян мешок, самому форсить, не пора ле тебе нас богатырей носить?*

Иронию создает атрибутивное сочетание *конь-овсян мешок* и эмоционально окрашенный глагол *форсить*.

Значимым является также тот факт, что лексема *конь* часто употребляется в контекстах с условным и причинно-следственным значениями.

Ситуации причины, как правило, закрепляют смысл тесной связи, эмоциональной привязанности:

*нету коня – Иванушко кручинен;
не может себе коня прибрать – идет кручинной;
конь ускочил, а он [богатырь] упал.*

Ситуации условия фиксируют иные смыслы: «для того, чтобы владеть конем, необходимо приложить усилия»: «коня надо заслужить», «получить коня – большая заслуга»:

*имал коня за белу гриву – владей,
царь опеть его требовал, осердился, наложил службу: этих коней в тройи сутки достать, а не достанешь, – голова с плеч и др.*

Следует подчеркнуть, что контекстов, закрепляющих утилитарное, бытовое представление о коне, выявлено незначительное количество: *коня запрег, боцьку в Архангельске повозит [конь], коней из поля каких-то к себе загал.*

В двух сказках «Пятиречия» отмечены контексты, фиксирующие представление о коне как мериле материального достатка, где конь мыслится носителями данной этнокультуры в числе значимых бытовых вещей:

Я ему всего дала: коня самолучшего, шубу самолучшу, муки-крупы, портна трубу подала, сапоги новы («Дороня»);

– Довольно у нас золотых карет да коней, золотой бархатной одежи («Григорей Высота»).

Данное представление имеет также языковую реализацию в контекстах с темой сватовства:

*Берите золоту карету, самолучших коней, везите жониха!
Подали королевны венчальне платье, она говорит: – Все еще не иду, надо мне пара коней вороных в синем мори, под серым камнем, узды золоты (фиксируется смысл возможности венчания только при наличии приданого в виде коней) («Григорей Высота»).*

В целом в «Пятиречии» контексты, включающие лексему *конь*, содержат информацию о коне как ценностном в рамках традиционной народной культуры существе, с его значимыми индивидуальными, часто сверхъестественными, качествами, особенностями поведения и типичными действиями, свойственными «высокому» персонажу, мифологической личности; с эмоционально близким отношением с человеком – и в то же время ряд контекстов закрепляют смысл материальной ценности коня наряду с другими бытовыми признаками достатка и богатства.

В значительно меньшем количестве контекстов лексема *конь* (а также синонимическая замена «жеребец») представлена в прозаических текстах Калужского фольклора.

Языковой анализ произведений данного сборника показал, что лишь в двух калужских сказках выявлены контексты с лексемой *конь*. Оба контекста содержат мифологический мотив разрыва нечистой силы. При этом лексема *конь* функционирует в них в качестве субъекта действия и фиксирует ассоциативную связь «конь – справедливый суд, возмездие»:

*Приводит домой, а Двуглазка и закричала: «Какую ты сякую, нагышку-голышку, привел?!» А он и говорит: «Нет, эта не такая-сякая, а моя жена, а это ты, такая-сякая ведьма!» Взял Струеву дочку снарядил, а мачехину дочку взял к стоялому **жеребицу** за хвост привязал, вывел его со двора и пустил в чистое поле погулять с нею. Как пошел **конь** гулять по чистому полю и по широкому лужку и разнес ее: где кусточки – там ее кишочки; где кочки – там ее почки; а где лужки – там ее требушки («Сказка о Струе и Струихе»);*

*Девки бегают, как собаки, по ягодам, а мальчик берет да берет. Мальчик набрал, а девки пробежали. Пристали к ему девки (одна-то родная, а две неродные): «Дай, да дай ягоды». Он не дает, неродные сестры взяли его да зарезали, а родная-то не давала, все. Девки этих взяли да к **кониным** хвостам привязали, **аны [кони]** их растащили, где кочережки – там и ножки, и маслов их не видали («Чудесная дудочка»).*

Таким образом, лексема *конь* не является в текстах Калужского фольклора частотной, однако репрезентирует важное представление, наличие которого, вероятно, может быть подтверждено при анализе других текстов данной территории: конь наделяется в народном сознании магической, сакральной функцией уничтожения нечистой силы.

В противоположность текстам «Пятиречия» в рассматриваемых произведениях Калужского фольклора одним из самых частотных доминантных имен является лексема *корова* (64): 44 употребления и 20 употреблений однокоренных слов: *коровушка* (13), *коровушка-матушка* (5), *коровий* (2);

Для сравнения: *старик* (120); *дом* (107); *дочка* (98); *мужик* (89); *солдат* (65); *корова* (64).

Анализ сочетаемости данной лексики позволяет сделать вывод о достаточно частой фиксации утилитарного, прикладного смысла, стоящего за данным словом. Так, значительное количество контекстов содержит ситуации бытового, практического обращения с коровой: *покупать корову, пустить корову, доить корову,*

стеречь корову, погнать корову, пригнать корову, пойти к корове, излечить корову; или ситуации бытийности, практического существования: *была корова*.

Характерны для калужских сказок и контексты с именем *корова*, функционирующем в качестве субъекта действия. При этом часть контекстов содержит типовые утилитарные ситуации: *корова стала по траве ходить, поела корова, заболела корова*; а часть включает ситуации, фиксирующие надделение коровы человеческими свойствами и способностями: *говорит корова, корова пряла прядево*.

Отмечены также эмоционально окрашенные ситуации: *говорить с коровой, хлеб отдать корове, проститься с коровой, любимая корова* – и аналогичные контексты с однокоренными употреблениями: *поблагодарить коровушку, коровушка-матушка*.

Таким образом, одна часть указанных контекстов, фиксирует прикладной, утилитарный смысл, стоящий в народном представлении за именем *корова*, а другая, значительная их часть фиксирует эмоциональное отношение к данному существу.

Общий ценностный образ, связанный в сказках калужского фольклора с доминантным именем *корова*, формируется и посредством его символики. Так, в сказке «Про Струя и Струиху» выявлен контекст, закрепляющий символическое значение помощницы и спасительницы:

Зарезали корову, сало и мясо прибрали, а требуху с кишками Струевой дочке отдали. Она взяла их, вывалила на огороде. На этом навозе вырос сад, такой хороший, что нигде такого сада и не было.

Особые знания о корове представлены в текстах калужских быличек. Большое количество контекстов произведений этого жанра репрезентируют представление о корове как животном, зависящем от нечистой силы.

Так, смысл взаимодействия и сопоставления коровы с представителями нечистой силы (домовым, змеем, змеем-любаком и т.п.) и зависимости от нее выявлен при анализе следующих контекстов:

Первое место между злыми духами занимает властелин зданий, домовый или хозяин. Он прихотлив до бесконечности, и каждый крестьянин старается исполнить все прихоти его, чтобы не навлечь на себя его гнева. Так, покупая корову мужик берет в расчет, какая шерсть ему по двору. Эта шерсть должна быть подобна шерсти домового, так, например, если домовый имеет черную или бурую шерсть, то и домашние животные должны иметь такую же («О домовом»);

Опасаясь потерять ее [корову], крестьянка просила советов змея, который объяснил, что причина болезни коровы не что иное, как шаши домового, и приказал мять животное настоем дедовника или чертополоха, присовокупив, что вся нечистая сила (водяная, земноводная или летающая) боится этой травы («Летающий змей»);

Раз змей-любак пристал к корове; от него соседская корова бычка телила («Змей-любак»).

Связь с нечистой силой – главный смысл, зафиксированный в текстах калужских быличек, включающих наименования и других животных, в том числе второе по частотности доминантное имя *лошадь*.

Приведем примеры:

*леший заводит лошадей в лес («О лешем»);
ночью одному страшно мимо проехать: водяной может испугать лошадь или загнать в яму. Из воды выбиралась лошадь вся мокрая («О водяном»);
шут иногда пугает лошадей в ночном: лошади ходят смирно, вдруг весь табун встрепенется и бежит версты за полторы или за две. Обыкновенно шут гоняет лошадей в дурную погоду, когда идет дождь или поднимается сильный ветер; гонит он их от одного нехорошего места к другому такому же и, немного погодя, обратно к первому («О домовом»);
если грива вьется у лошадей – лошади пришлишь ко двору домовому («Как спросить у домового о судьбе»).*

В сказке «Рассказ крестьянина о лешем» выявлены ситуации болезни лошадей вследствие действий нечистой силы:

Я, брац мой, испужалси ды и гыварю: «Вот што, брац мой, у мене лошыди калеють, как какую ни куплю, усе издыхають».

Что касается бытовых представлений о животном, то в отличие от контекстов с именем *корова*, подобных контекстов с именем *лошадь* выявлено незначительное количество.

Так, в сказке «О Иванушке-дурачке» отмечены контексты, включающие типичные ситуации, связанные с передвижением на лошади: *поехал на лошади, остановил лошадь, уехал на лошади*, а также другие типичные бытовые ситуации: *пустить лошадь домой, запрячь лошадь, похлопать лошадь*. Из адъективных конструкций отмечены такие, как *самолучши лошади, мужикова лошадь*.

Достаточно частой является в Калужском фольклоре языковая фиксация символического значения богатства, достатка, ассоциативно связанного с наименованиями животных.

Приведем пример из былички «О кладах»:

Один крестьянин Гороховской волости, возвращаясь ночью домой, увидел преследовавшую его белую лошадь, которая на пространстве двух верст то прыгала, то ласкалась к нему, то вертелась около телеги, то, забежая вперед, заграждала ему дорогу. Вышедши из терпения и желая избавиться от докучливого спутника, мужик нанес ей удар, и – вообразите его удивление и радость – когда от малейшего прикосновения кнута конь разлетелся вдребезги и превратился в груды серебряных и золотых монет.

В данном контексте лексемы *лошадь* и *конь* синонимичны и репрезентируют одно и то же народное представление о данном животном как источнике богатства и достатка.

Такой же смысл выявлен при анализе доминантного имени *баран* в калужских фольклорных текстах, например:

Хозяин взял барана да принес его опять в горницу и говорит: «Баран, а баран, рассыпся!» Баран рассыпался весь в деньги («Сказка о старике и о Ветре»).

Таким образом, общей особенностью языковой репрезентации контекстов, включающих наименования животных, в прозаических текстах Архангельского и Калужского фольклора является то, что данные лексемы достаточно редко употребляются в утилитарном, практическом смысле. Исключение составляет лексема *корова* в рассмотренных текстах Калужского фольклора.

Анализ Калужских текстов позволяет также сделать вывод о том, что в народном сознании животные (как правило, домашние) ассоциативно и символически связаны с богатством, достатком, с одной стороны, и с нечистой силой – с другой.

Кроме того, в Калужском фольклоре содержится народное представление о наделении домашних животных сакральными функциями, в том числе функциями борьбы с нечистой силой.

Специфической особенностью наименований животных в Архангельском фольклоре является сопоставление животных, в частности, коня, с мифологическими существами, представление данного животного как уникального, наделенного исключительными свойствами и способностями высокого героя.

Таким образом, доминантный анализ фольклорной лексики позволяет не только определить предмет исследования, но и выявить общие лексические и семантические взаимосвязи, отражающие в рамках фольклорного повествования основные ценности данной культуры, вокруг которых выстраивается вся система представлений народа о мире. Кроме того, сопоставление результатов анализа языка фольклорных текстов разных территорий позволяет выявлять как общие особенности употребления тех или иных лексем, так и специфические, этнически маркированные культурные смыслы, стоящие за словом.

Библиография

- Озаровская О.Э., 2000, *Пятиречье*, Санкт-Петербург: Тропа Троянова.
Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX – начала XX века, 1997, вып. II.
// Сборник. сост., подгот. текста, предисл. и примеч. к разделам Н.М. Ведерниковой, при участии С.Е.Никитиной, Москва: Институт Наследия.
Хроленко А.Т., 2000, *Этнолингвистика: понятия, проблемы, методы*, Славянск-на-Кубани.

Summary

ETHNOLINGUISTIC ANALYSIS OF ANIMAL NAMES IN THE PROSAIC FOLKLORE TEXTS OF THE PROVINCES OF ARKHANGELSK AND KALUGA

This report presents the descriptions of animal names from the standpoint of Russian ethnolinguistics and lingvo-folkloristics. The analysis is based on the central Russian texts and folklore of the northern prose (usually fairy tales), written at the turn of the 19th and early 20th centuries in the provinces of Arkhangelsk and Kaluga. The territorial specificity of the linguistic contexts of texts containing names of animals is discussed.